МОЙ ПАПА, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Могу долго и много о нём рассказывать. Есть воспоминания о Роберте Савельевиче Моисееве, как о директоре, учёном, общественном деятеле, архитекторе. А я хочу рассказать, какой он был в жизни. Потому что подобные люди мне не встречались. Возможно, я не объективна, но так не случилось.

Текст Татьяна Михайлова

Папу помню с раннего детства, с того момента, когда солнечным летним днём я пригласила всю свою детсадовскую группу к нам домой: праздновать мой день рождения! Забирать меня из детсада пришел папа. И я тут же ему с гордостью сообщила эту «великолепную» новость. Надо отдать должное его выдержке, — не стал ничего отменять, и к нам домой правда пришли дети из моей группы, — почти все. А в ней тогда было более 30 дошколят.

До сих пор не знаю, как папа с мамой выкрутились, но стол накрыли! Однако, ругать меня не стали. Напомню, что на дворе тогда был 1969 год, и такого ассортимента продуктов в советских магазинах, как сегодня, не было.

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ

Раньше разливное молоко надо было «ловить»: его привозили в магазин в определённое время, причём, в дневное, когда родители на работе. Мы с братом приходили из школы и «ловили»: по очереди бегали в магазин. Как-то прибежав из магазина, я встретила соседку, бабушку, которая жила одна и плохо видела. Я сама предложила ей купить молоко, мол, сейчас принесу. И только потом поняла, что мне опять бежать в магазин, а у меня тренировка, на которую могу опоздать. Но папа тогда сказал: «Назвался груздем – полезай в кузов. В следующий раз будешь думать, когда давать обещания».

1

РОДОСЛОВНАЯ

Я не знаю своих дедушку и бабушку по папиной линии. У нас были фотографии, и то только на них бабушка Анастасия Савельевна и её мама, бабушка Маша. Ещё была фотография: на ней мужчина с шикарными усами, дед Савелий, и прабабушка Маша. Они прибыли на Камчатку в 1906 году уже с годовалой дочкой Настей. Папа рос в окружении женщин. Бабушка, мама, тётя, две сестры Альбина и Клара. Он был младшим — «Робеша», как его ласково звали сёстры. Жили очень скромно и папа был очень стеснительным. Он рассказывал, как после школы он приехал поступать в Ленинград, и целый день ходил с деньгами, зажатыми в кулаках. Очень хотел есть, но стеснялся что-либо купить из еды. Пока не рухнул в голодном обмороке.

О ЖЕНИТЬБЕ РОДИТЕЛЕЙ

Эта история похожа на сказку. Причем мне её рассказала бабушка, мамина мама. Папа работал геодезистом в «Камчатгеодезии». Мама, Марианна Яковлевна Острогорская, после окончания школы, в 1961 году, пошла тоже работать и оказалась зачислена в архив этого предприятия. Школу мама окончила с отличием, но в 60-е годы прошлого века в СССР прозвучал призыв Коммунистической партии и правительства: к выпускникам обратились с просьбой не поступать сразу в институты, а пойти поработать, чтобы определиться с выбором профессии. Выпускники, конечно, откликнулись, и среди них — моя мама.

И вот они встретились. Папа говорил, это было «чудное мгновенье», — он увидел маму на лестнице. Потом летом они работали в Малках. А через год мама поступила в институт и уехала в Комсомольск-на-Амуре.

Папа каждый вечер приходил домой к её родителям, они жили в частном доме, и проводил все вечера у них: сидел у печки, читал, помогал, когда обращались за помощью, так «тихой сапой» и вошёл в семью — к нему

2

привыкли. И только через четыре года родители мои поженились, когда мама готовилась к защите диплома. Вот так он свою супругу ждал.

После той высокой планки в отношениях мужчины к женщине, заданной папой, мне было очень трудно найти соответствующего таким требованиям мужчину. А папа был очень добрым, отзывчивым, дружелюбным, располагающим и внимательным, тонко чувствующим перемену настроения. На людях он называл маму по имени: «Марианна». А дома она была «Марьяшей».

И еще штрих: завтраки в нашей семье готовил папа.

Он рано ложился, — в девять вечера уже спал. Но просыпался в три-четыре часа утра и садился работать. А с семи утра начинались звонки. Это звонили из Москвы коллеги, делились информацией. С восьми утра начинался созвон с друзьями и коллегами местными. У него была потребность быть в курсе событий, и он говорил: «владеешь информацией – владеешь миром».

ДЖАЗ

Папа очень любил джаз. Он и меня научил любить эту музыку. Помню, они с мамой в 1979 году ездили в Чехословакию по путёвкам. Оттуда папа привёз пластинки: Нью-Орлеанский джаз и современный. Ещё папа очень любил слушать сатирика Аркадия Райкина, — у нас в доме была вся коллекция пластинок с его выступлениями. Нравились отцу дуэт Карцев-Ильченко и Михаил Жванецкий. Он их цитировал. И, конечно, Высоцкий, — его песни звучали в нашем доме, а на столе у отца лежала самиздатовская книжка со стихами Высоцкого «Нерв». Песню «Кони привередливые» он обожал.

ДРУЗЬЯ

У папы было немного друзей. Знакомых много, а вот друзей… Я точно могу сказать: максимум три человека. Да и не бывает много друзей, — счастье, если один найдётся! Дружат-то люди, равные по интеллекту и имеющие одинаковый уровень нравственных ценностей.

Камчатка, начиная с 1950-х годов, всегда привлекала к себе как романтиков, так и людей расчётливых, приехавших сюда в погоне за длинным рублем. А уж в девяностые хлынул на наш полуостров поток непонятного народа, в котором, безусловно, были и романтики, но становилось их всё меньше и меньше. Но это так, лирическое отступление.

Папа, начав свою деятельность геодезистом, сделал карьеру, дорос до главного архитектора города. Конечно, дома у нас собирались интересные люди: архитекторы, приехавшие на Камчатку из Москвы и Ленинграда. Приходил и самый близкий папин друг — Виктор Евгеньевич Круглов, — профессионал, получивший Ленинскую премию за создание проекта здания нынешнего Правительства Камчатского края.

Однако, сформировавшееся в 60–70-х годах прошлого века сообщество архитекторов было очень непростым. Сейчас это может вызвать улыбку, но я помню, как папа с мамой обсуждали заседания градостроительных советов! Папа говорил, что проблема города, который он любил, в том, что архитектурой в нём занимаются люди, которые не знают и не чувствуют Камчатку. Кто-то пытался реализовать свои амбиции, идеи, которые в других городах реализовать бы не

3

получилось, наверное. Папа ушёл из архитектуры в 1977 году, но его еще долгое время продолжали приглашать на заседания…

ГОРНЫЕ ЛЫЖИ

В первый класс меня повёл папа. И в этот же день, после первого урока, отвёл меня на горнолыжную базу «Эдельвейс» к Аграновским, — Людмиле Семёновне и Герману Леонидовичу. Это целая эпоха моей жизни, точнее, нашей семьи. Через год и брат Саша тоже начал тренировки на этой базе. Теперь уже понимаю, что так происходило сближение нашей семьи. Папа проводил с нами всё свободное время!

И, кстати, находясь на должности главного архитектора Петропавловска-Камчатского, в начале семидесятых он закрепил землю в безвозмездное пользование за этой школой олимпийского резерва. И позже, когда начался беспредел по раздаче городских земель, все атаки на лакомые участки удалось отбить благодаря этому его решению. Людмила Семёновна Аграновская об этом мне рассказала.

Вспоминаю, как в первом классе папа, в одну из суббот, сидел на всех уроках. Потом они с мамой смеялись и рассказывали, что учительница написала в дневнике замечание: «ребёнок не активный». Со временем её мнение изменилось….

НАДО ЖИТЬ!

Папу помню всегда читающим или пишущим. Я не помню, когда появилась печатная машинка в нашем доме. Но, в девятом классе на подготовительном образовании я стала учиться печатать на машинке, и папа этим воспользовался. Хотя, сейчас не знаю, насколько это ему помогало, но его рассказы я печатала. А когда была школьная практика, даже набирала его научные статьи. Для меня это был подвиг: помню до сих пор, как ничего не понимала в том наборе слов, но печатать было надо. А папа писал всегда. Когда у него случился инфаркт, лёжа в реабилитационной палате, он попросил у врача ручку, бумагу и газеты. Врач запретил, так как считал, что это будет волновать пациента. Через день он разрешил это всё ему принести, ибо их отсутствие привело абсолютно к противоположному результату. Кстати, папа всё равно тогда начал писать, хоть и карандашом (не признался, где он его взял) на обёрточной бумаге. И у него целый цикл стихов «Преображение», родившихся в больнице. «Врач кардиолог счастье обещал, сестрица шприцем счастье раздавала», — это из цикла. И ещё:

«…когда в мерцающем сознаньи
мелькнёт связующая нить
с халатов белым ожиданьем,
одно лишь помнишь: «Надо жить».

Папа много читал и, как само собой, у нас дома была огромная библиотека. А на его прикроватной тумбочке помню две книги: «Бравый солдат Швейк» Ярослава Гашека и «Записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса. Как теперь понимаю, всё это о людях и ситуациях, в которые они попадают, и которые повторяются в жизни.

4

Папа и нам с братом открыл мир книг: Стивенс, Конан-Дойл, трёхтомник О. Генри — все были зачитаны и обложки затёрты.

ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

Ненавязчиво отец посвящал нас в мир искусства. Я очень хорошо помню: после третьего класса мы поехали в отпуск на материк, он водил нас с братом в Пушкинский музей, Музей военной истории, на выставку Кустодиева… До сих пор помню пышные

5

6

7

формы купчих, самовары, Москву купеческую на картинах. Позже, когда уже стала студенткой, мы с папой ходили на выставки, — когда он приезжал в Москву в командировки. Это уже был период познания авангарда русского и современного. Папа открыл для меня современный балет: театр Бориса Эйфмана.

Впрочем, неважно, что смотрели, — я так ценила это время, моё время! Ведь обычно очень занятый, отец был рядом. Его появление всегда было неожиданным. Это сейчас время сотовых телефонов, а тогда… Как-то раз ехала на метро в институт и вдруг на Курской, — днём, в час пик! — встретилась с папой! Когда он освобождался, мы вместе гуляли, разговаривали. Тогда я узнала, что много лет назад, будучи главным архитектором города, он отказался от престижного места и квартиры в Москве, которые ему предлагали за «одну услугу», — не смог переступить через себя и не жалел об этом. Всегда во всех случаях я всё рассказывала папе, потом, уже из Хабаровска, тоже звонила и рассказывала. Он любил говорить: «Не надо останавливаться, главное – продолжать делать дело». Его фраза «стабильности нет даже в склепе» и сегодня помогает жить.

Когда родилась младшая дочь, первый, кому я позвонила в шесть утра, – это папа. Я знала, что он уже встал и работает. Когда назвала ему время, он сказал: «Я чувствовал, что что-то происходит».

ПАПА – ДЕДУШКА

Я уже говорила, что папа был очень добрым. Это хорошо чувствовали дети, которые могли на нём в буквальном смысле кататься, долго-долго! Впрочем, и он этому процессу отдавался с удовольствием. Так сложилось, что больше всего папа мой занимался со старшей внучкой, Машей. Вспоминаю, как я однажды пришла с работы и застала такую картину: папа жарит картошку, рядом на стуле стоит Маша и украшает её в сковородке элементами конструктора в виде звёзд!

Он сочинял с ней стихи, — развивали чувство рифмы. Двустишие того времени: «Мила и желанна, люба и мила. Только б кашу ела, молоко пила». Она рисовала на его важных бумагах свои картины. Маша училась в школе, которая была рядом с домом родителей и часто оставалась там ночевать. Она говорила, что любит по утрам разговаривать с дедушкой. А потом, когда он ушёл, мы нашли все её записки, которые она ему писала, скреплённые и аккуратно сложенные. И во всех она писала, что она его любит.

Но больше папу помню с момента, когда в 1995-ом году вернулась на Камчатку после 13-летнего отсутствия. Я, уже взрослая, вдруг начала понимать его неординарность. Я как-то почувствовала, что родители мои не будут ни на чём настаивать и влиять на жизненный выбор, — он должен быть сделан самостоятельно. Но, если обратишься за советом, могут что-то посоветовать, однако, опять же, принимать решение ты должен сам.

Иногда, вспоминая ушедшие моменты, думаю, что сегодня сделала бы по-другому, — где-то я надеялась, что за меня родители решат, но… «Сама кашу заварила, сама её и ешь…». Это тоже папино наставление.

А потом папа прочитал мне свои 12 жизненных правил, которые он прописал в «красном кондуите» (у него была такая записная книжка, многие с ней знакомы, — записывал туда все самые нелепые фразы и высказывания, услышанные на всякого рода заседаниях и попадавшиеся в СМИ).

И я поняла, что у него есть жизненные правила, через которые он никогда не переступит, или тогда это будет уже не он. И я это приняла, и думаю, что мне просто повезло, что я была рядом с ним целые десять лет, работая в Институте. Я сейчас понимаю, как мне повезло. Он был не только моим папой, он был моим Учителем.

Декабрь 2018 года.

Фото из архива Т. Михайловой (урожд. Моисеевой):

1. *Редкий снимок: Р. Моисеев в день вручения ему ленты Почётного гражданина г. Петропавловска-Камчатского.*
2. *Роберт Моисеев с историком Ириной Витер и своим близким другом Евгением Гропяновым. Фото Виктор Гуменюк.*
3. *Р. Моисеев с бабушкой, мамой и сёстрами.*
4. *Молодой геодезист Р. Моисеев.*
5. *Татьяна с отцом на даче.*
6. *Молодой Р. Моисеев.*
7. *Р. Моисеев с мамой. Ленинград. 1956 год.*